

Насчастный век. Погоды переменки
Все листья не нал — а снегопад.
Маринка из десятого колена
Горит в душе на склоне синий ад.

И все острий — родни мои проблемы
Дрожащий свет из маминых синих
Но свадебных прибов взлетят над ней
И жарким ском глянут в сердце
Поэт-славянский лист и акрэ
Поэт земля курганов песню
Любовь моя, ты — скрипка,
И бубенцы — над гравями

Говорить о поэзии —
это говорить о душе поэта.
Ибо, как писал Ю. Поляков:
«Для того мучительно и вяжется
небесная сеть стихов, ибо она
способна уловить мятущуюся,
ускользающую, любящую душу,
а вместе с ней и дух своего народа,
и эпоху, в коей довелось жить поэту».

А если поэт — женщина?

Коль солица дуч пронзил твои
И после нудных громов
Тебя не упрекну и «ты»
Зачем же ворочить
Ты здесь. Ты моя. И
Твой же немикуено
Был один отчалины
И дые грозы сойдутся

Если эта женщина приходила в мир,
чтобы принести ему любовь?
Если столкнулась с тем, что мир отверг ее дар?
Вряд ли прояснит что-либо объяснение,
что способность приводить к гармонии
внутренний и внешний хаос бытия
и есть тот изначальный дар, без которого
поэт никогда не достигнет вершины.

Потому что это требует огромных затрат энергии,
«неведомых тем, кто пришел в литературу
для самоутверждения, а не для самопостижения,
Со временем и источник этой нечеловеческой энергии один — любовь».

Славянское содружество

ЕВГЕНИЯ ЯНИЦЫ

«И в вольном слове
воскресать!»

Моя любовь

Вы без меня летите, самолеты,
Вы без меня спешите, поезда.
Любовь моя, ты — песня, и забота,
И спелый бор, и быстрых рек вода.

Насчастный век. Погоды перемена:
Еще листок не пал — а снегопад.
И скрипка из десятого колена
Поет в душе на свой священный лад.

И все острей — родни моей пробелы,
Дрожащий свет из маминых окон.
Но свадебных цимбал взлетят напевы,
И жарким оком глянет в сердце конь.

Поет опавший лист и вихрь шалый,
Поет земля курганов песню вдов.
Любовь моя, ты — скрипка, и цимбалы,
И бубенцы — над гравами веков.

* * *

Хоть солнца луч пронзил туман дождя
И после нудных гроз край неба светел,
Тебя не упрекну и словом я:
Зачем же ворошить горячий пепел?

Ты здесь. Ты мой. И так же ты далек.
Такой же неминуемо-влекущий.
Еще один отчаянный шажок —
И две грозы сойдутся по-над кручей.

Тебя не упрекну и словом я.
Идут года, вернее — затихают...
Так под напев осеннего дождя
Со светлой тайной в лицах — умирают.

* * *

Святая боль, не знаешь ты покоя.
 Люблю я — в этом вся моя вина.
 Распята на кресте окна — звездою —
 Еще одна библейская жена.

Мой ясный свет, а ты не капля в море!
 Пускай завален суетою быт.
 Стихи писала и будила зори
 Не Ева, нет, не Ева — а Лилит.

Мой свет, ты не меняешься с годами,
 Хоть Срок не только розами увит.
 Каким ты светом светишься, Адаме,—
 Уж не очами ль звездными Лилит?

Запоем пью счастливое молчанье.
 Душа, звезда ли светит до зари?
 Земля, ты говори со мной очами,
 Вселенная, очами говори.

* * *

Допьем зеленое вино,
 Дрова тоски расколем.
 Что ж я печалюсь,
 как на дно
 Иду?
 Живи на воле.

Ведь вряд ли б ты меня любил,
 Во мне искал утеху.
 Мой шумный сад опал, отжил,
 И яблони — из снега.

Стоит веселая зима.
 Светло на Беларуси.
 «Не дай мне бог сойти с ума» —
 На Пушкина молюсь я.

* * *

И правда: словно тот казенный дом,
 Где устланы дорожки для парада,
 Мне этот город нынче не знаком,
 Я даже солнца лучику не рада.

Еще недавно звал, сверкал, гремел
 Рекламами, листвой звенящей мая,
 Как будто что-то мне сказать хотел!..
 И вот иду я — как глухонемая.

И вот иду я... Но куда, куда?
 К чему теперь спешить так окрыленно...
 Смеяться или плакать отрешенно
 Пред той чертой, что провела беда?

С иным лицом, в сиянии ином,
Всесильность сердцем каменным внушая,
Мне этот город нынче не знаком,
Но ты ведь здесь — и это оглушает.

* * *

И вновь над пашней воздух вешний,
Деревни пыльной антураж.
Я знаю все: полет, и бездну,
И счастья звонкого мираж.

Век техники и технократов,
Век — ядовитая вода...
Как та пчела от химиков —
Лечу неведомо куда.

Я помню все. Я много знаю
Про этот черно-белый свет.
И вновь не знаю ни черта я,
Как в те босых двенадцать лет!

И встреч несбывшаяся росстань,
Неровный почерк в сих строках...
Улыбка сына, день белесый,
И эта вот тропинка в росах —
Они еще в моих руках!

* * *

Наивные, влюбленные года,
Деревьев цвет, попутный храп мотора...
И вдруг — совсем внезапно! — холода,
Безумные, не жданные так скоро.

Средь полосы туманно-снеговой,
Над этой грозной пропастью свободы
Как долго я искала образ твой!..
Но он исчез — последний дар природы.

Грачами перечеркнута заря.
Последний дар, удар последний — тризна.
Живу до забытья, до небытья,
Любовью называемых при жизни.

Смеется нагло, как в укор годам,
Ветриско вдоль пустынного квартала.
...Неужто ты не понял, что тогда
На всей земле мне места не осталось?

Калина зимы

Душу пожаром своим опалила.
Пламенем взвила из небытия.
Ой да зимой закипает калина,
Гроздья ее — как надежда моя.

Поздняя ягода грешной погубы.
Мая вуаль отошла по весне.
Запунсовело-припухшие губы
Светятся радостью тихой сквозь снег.

Выбрать какую сегодня тропинку,
Чтоб неутешной душе угодить?
Тихо окликну калину-калинку —
Грустью моей на меня поглядит.

Белопущистые вскинуты брови.
Время затишья, начала стезя.
Доля моя — словно гроздья любови
Быются над веткой немой бытия.

На лиры пенье

И каждый день — огонь, паренье
Восторга, радости, хлопот.
Так я иду на лиры пенье,
Где все — фантазия, полет.

Какой завидный мир поэта —
Из нитей света образ ткать,
И — замирать на склоне лета,
И в вольном слове воскресать!

Еще светают и витают
Созвездья верности в полях.
Пускай грома перетрясают,
Переиначивают шлях.

Крыла любви шумят сильнее,
Счастливый славя свой полон.
О жизнь моя, и пламенея,
Ты вся — загадочный полет.

Озерный час

Пренебречь уныньем, как простудой,
И пока еще не рассвело —
С удочкой в челнок ступить, покуда
Свет не пал на мокре весло.

Будет звездочка к веслу прибита,
И на дно стечет грусть-зеленца.
В осень глубже стынь-вода — изрыта
Волнами тревог и дум певца...

Тихо так — как не бывает тихо.
Полон звезд бродяжий ковш-ведро.
Ты сестрицей дольней, журавлиха,
Сбрось благословенное перо!

Названный мой край пройти не поздно:
День уважит светозарем нас.
Пусть себе пророчит некто
Звездный,—
Слава богу, есть Озерный Час!

Придут иные...

Придут иные и другие,
Точь-в-точь весенний грянет хор.
Но в час смертельной ностальгии
Душе поющеи есть укор:

Там, в том плену счастливой муки,
Где путь творца — во тьме теней,
Я ночи тратила на звуки,
На строки — свет луцистых дней.

Но вновь и вновь зари спасеньем —
Любовь и песня в мире тьмы.
Все времена — от вопрошенья
До оправданья — жили мы.

Придут иные... И прекрасно!
Восславим дней сердечный бой.
Вот только б знать, что не напрасно
По искрам век сжигали свой!

Наше поле

Вот и дожато наше поле,
Вот и притихла песня льна.
...Мы посидим с тобой, соколе,
Как в памятные времена.

Я оглянусь на путь неровный,
Где бед и горя — через край...
Не потакай кручине черной,
Капризам дней не потакай!

Сегодня — взлет, а завтра тишию
Пригнуты крылья, даль черна...
Ты только вслушайся, как дышит
И как поет души струна.

До озарения, до боли,
До слез — одна она! Одна.
И золотится наше поле,
Как в те, былые времена.

ПЕРЕВОД А. СТРИГАЛЕВА